

Нация, национализм и нациестроительство

Почему это важно для России

Валерий Тишков

В.А. Тишков – академик, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН, академик-секретарь отделения историко-филологических наук РАН.

Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-910).

Выявление и осмысление динамики культурного и религиозного разнообразия российского общества важно для обеспечения его стабильности и развития, для национальной безопасности страны. Один из центральных сюжетов заключается в поиске ответа на ряд вопросов. Сложный этнический и религиозный состав населения России есть слабость государства и фактор риска или же это обстоятельство, наоборот, является ресурсом развития? В чём нынешняя «идея России»? Возможен ли общенациональный российский проект и каков смысл нациестроительства?

Предлагаемая статья раскрывает эту проблему как в глобальном контексте, так и в свете новейших трендов общественно-политической жизни России с учётом существующих внутренних и внешних вызовов.

ОТРИЦАТЕЛИ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Некоторые учёные, а вслед за ними поверхностные пропагандисты и слабо думающие политики пытаются представить Россию как некую аномалию в концерте современных наций-государств или как уникальную цивилизацию «между империей и нацией». Утверждение, что Россия – это не национальное государство и не может им стать, представляется ошибочным.

Вот к каким заключениям пришли участники обсуждения этой проблемы, организованного журналом «Россия в глобальной политике» в 2017 году: «Что же есть сегодня Россия: нация или империя? Не империя, потому что это пройденный этап. Не нация, потому что в современных российских реалиях невозможно построить государство-нацию. Проблема – в отсутствии политического участия. Гражданская нация обязательно сопровождается демократией. Если нет демократии, нет и разговора о гражданской нации. Россия – даже не федерация в полном смысле этого слова, потому что такая форма устройства требует региональных политических акторов, обладающих высокой степенью автономии. Их у нас пока тоже нет, как нет оснований ожидать, что скоро появятся. Между нацией и империей есть понятие “цивилизация”. Страна-цивилизация, как говорит патриарх Кирилл, – единственное понятие, в котором учтена и национальная идентичность, то есть преобладание русского культурного элемента, и, с другой стороны, толерантность по отношению к представителям других культур. И нет жёсткой связки с экспансией»¹.

Из этой и других публикаций можно сделать удручающий вывод. Доктрина и практика национального строительства в России застряли в трясине ещё советского правоучения о «национально-государственном строительстве» и «национальном самоопределении» или же утопают в историософских дебатах, замешанных на паранаучных высказываниях о неких «цивилизационных кодах», «традиционных духовно-нравственных ценностях» и представляющих собой больше осадную, эмоциональную терапию от угроз «враждебного мира», а не реальную экспертизу и политическую практику².

Такая поверхностная индоктринация по части уникальности страны, её всемирного призвания, досаждающего враждебностью

¹ Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. С. 38. См. также: Миллер А. Нация или могущество мифа // Полит.ру, 2020. URL: <https://polit.ru/article/2020/07/06/natioormyth/>; Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое изд-во, 2004; Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.

² О смутно понимаемом нациестроительстве см.: Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014.

внешнего мира долго длиться не может. Хотя следует признать, что схожие характеристики нового изоляционизма и неоконсерватизма присущи миру национальных государств, международному научному и общественному дискурсу в целом. И значит – дело обстоит ещё хуже. Похоже на глобальный кризис понимания, разрушение норм взаимоотношений и взаимной ответственности национальных государств, не говоря уже о международном праве и межгосударственных договорённостях. В России в последнее время разговоры на эту тему пошли в разные стороны, что было бы не так плохо, если бы за этим не следовала политическая стратегия высокого уровня, сказавшаяся в том числе и на характере последних конституционных поправок, когда в обновлённом тексте Конституции не оказалось такого фундаментального понятия, как «российский народ».

Напомним позицию активно пишущего на тему нации историка Алексея Миллера: «На самом деле идея, что нация – это норма и что *nation-state* – это норма, серьёзными политологами уже давно оставлена. Есть масса различных форм государственных образований, которые в той или иной степени мимикрировали под национальное государство просто потому, что до недавнего времени Запад абсолютно доминировал в международных отношениях. Действительно, приходилось верить в, казалось бы, неизбывное, что демократия, нация и благосостояние – это такой пакет, причём благосостояние идёт за демократией как её результат. Но от этого мало что осталось сегодня». Также Миллер считает, что «миф всё включающей нации, каковая якобы существует в западных странах, уже умер. Миф о том, что *nation-state* – обязательно самая успешная форма, тоже умер, и что это непременно ведущая к демократии форма»³.

Но тогда что же осталось как вариант для России и для остального мира? Миллер пишет, что Россия – «это просто не национальное государство. Это государство, в котором существует целый ряд политически мобилизованных групп, которые считают себя нациями. Если это случилось, то уже “фарш невозможно повернуть назад”. Значит, с этим надо как-то выстраивать

³ Миллер А. Нация или могущество мифа // Полит.ру, 2020. URL: <https://polit.ru/article/2020/07/06/natioormyth/>

какую-то конструкцию. Если мы только поймём, что национальное государство не является абсолютной нормой, если мы, кстати, поймём, что демократия никогда не была преобладающей по численности, по распространению формой политической организации человеческих обществ, никогда, – то тогда мы поймём, что у нас есть довольно широкое поле для экспериментов. Лишь бы разумных. При строительстве государства и при использовании дискурса нации»⁴. При этом Миллер в своих публикациях и публичных лекциях так и не сформулировал понимание столь важной категории, потому что считает, что «определить нацию как нечто стабильное очень трудно» и социальные науки только сейчас «постепенно начинают нащупывать» способы изучения ранее невиданных вещей.

В этих рассуждениях лишь упоминание Запада как родоначальника концепта нации и национального государства трудно оспоримо. В остальном суждения уважаемого коллеги крайне спорны. Прежде всего, никакой незыблемой веры в то, что «демократия, нация и благосостояние» есть некая неразрывная субстанция, среди специалистов и политиков не было и нет. В России эта увязка присутствовала среди экспертов фонда «Либеральная миссия», и нами уже неоднократно опровергалась⁵. Напомним, что даже в Европе в XX веке существовали далёкие от демократии режимы (франкистская Испания, Греция времён «чёрных полковников», Германия и Италия при фашистском правлении), когда соответствующие европейские нации никак не упразднились и даже переживали стадии консолидации, пусть и навязанной сверху. В остальном мире, от Турции до Китая, о данном обязательном «пакете» не может быть и речи.

Что касается благосостояния, то эта сторона общественной жизни вообще не имеет отношения к нациестроительству, которое, по сути, можно назвать «дискурсом о нации». Низкий уровень благосостояния и даже проблемы бедности, социальные, религиозные,

⁴ Там же.

⁵ Тишков В.А. Об идее нации // *Общественные науки*. 1990. № 4. С. 83–95; Он же. *Российская нация и её критики // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 558–601; Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011.*

расово-этнические и другие разрывы внутри наций-государств – это почти константа их существования на протяжении всей истории, включая и сегодняшний день. Да, Сунь Ятсен на заре XX века в своей программе строительства китайской нации «Три народных принципа» называл национализм, народовластие и народное благоденствие главными целями, но это совсем не означает, что китайской нации не существовало до тех пор, пока в Китае не стало возможным говорить о благосостоянии народа. Не думаю, что бедняцкие фавелы бразильских городов или несколько десятков миллионов живущих на улицах индийцев исключают существование бразильской или индийской наций. И это обстоятельство в разной степени и в разные временные периоды касается всех стран мира. Если условно признать, что «обязательный пакет для нации» состоялся только в «демократической и благосостоятельной» Европе, тогда весь остальной мир, по словам Миллера, есть «масса различных форм государственных образований, которые в той или иной степени мимикрировали под национальное государство». Это явно не так. О глобальном контексте современного нациестроительства и о культурной сложности современных наций речь пойдёт ниже.

Последнее замечание относительно теории Миллера и его коллег по дискуссии в журнале «Россия в глобальной политике» касается вопроса, можно ли «провернуть фарш назад» – речь о том, что в России целый ряд «политически мобилизованных групп» считают себя нациями. Это крайне слабый, хотя и воздействующий на обыденное сознание и на политико-правовое мышление, аргумент. Значение понятия «нация» менялось исторически, что зафиксировано всеми энциклопедическими изданиями, и в современном мире существуют два концепта нации, различающихся по их бытованию и политическому использованию: гражданская/политическая нация и этническая/культурная нация. Элементы того и другого могут пронизывать друг друга, трансформироваться из одной формы в другую, тем не менее это разные, хотя и сосуществующие концепты. Между ними в зависимости от форм проявления были и есть и соперничество, и даже, казалось бы, непреодолимые конфликты. Именно по этой причине я ещё в 1990-е гг. предложил трактовку нации как политически и эмо-

ционально нагруженной *метафоры самообозначения*, за исключительное обладание которой борются две формы социальных коалиций: сообществ по суверенному государству и сообществ по культурной схожести⁶.

Примеров существования наций внутри наций более чем достаточно, причём это далеко не обязательно вариант борьбы подчинённой нации против господствующей за самоопределение, понимаемое как выход из общего социополитического пространства, и за «свою государственность». Такие «политически мобилизованные группы», а точнее – этнические общности или регионально-культурные сообщества существуют не только в России, но и во всех современных крупных государствах, где есть свои «внутренние нации». Как эти ситуации разрешаются, регулируются, управляются без «мясорубки и фарша», достаточно хорошо известно. Здесь вполне подходит предложенное мною выражение «нация наций»⁷, которое используется и в других странах, а механизмы управления культурной сложностью применительно к России, помимо экспертных разработок, изложены в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, принятой в 2018 году.

ГРАЖДАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Обратимся к «массе различных государственных образований», которые якобы мимикрировали под национальные государства из-за навязанной им европейской модели. Это те, для которых концепт нации не подходит. У них «широкое поле для экспериментов» и есть свои варианты, которые наши специалисты пока никак не могут выявить, а тем более предложить России. Главное, как пишет Миллер, чтобы варианты строительства государства «были раз-

⁶ Тишков В.А. Что есть Россия? Перспективы нациестроительства // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17; Он же. Забыть о нации: Постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

⁷ Тишков В.А. Россия – это нация наций (в связи с новой концепцией национальной политики) // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. № 78. С. 10–16; Он же. Россия – это нация наций // Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, 2011. С. 6–9.

умными». К «неразумным» учёный обоснованно относит пример Украины и в этой связи делает противоречащий его собственным позициям вывод: «Попытка построить нацию и государство там, где она не строится, не получается её построить, чревата обострением, потенциальными расколами... Попытки у нас реализовать такой же проект тоже приведут к неприятностям».

Здесь явная путаница с пониманием двух совсем разных проектов нациестроительства. На Украине делается попытка построить нацию на исключительно этнической основе, сведя несогласное население в категорию меньшинств, в нацию не входящих. В этой сложной по этническому, религиозному и регионально-историческому составу населения стране не предпринималось никаких попыток построить нацию на полиэтничной основе с федерализмом и официальным двуязычием. Хотя только такой вариант и мог бы получиться – по крайней мере, он был возможен до стадии открытого вооружённого конфликта внутри страны после 2014 года. В России такой проект государственного строительства, как «нация русского народа», собственно говоря, никто серьёзно и не пытается реализовывать, кроме поборников радикального русского этнонационализма. Таким образом, если концепт нации и сама реальность национального государства – уходящая натура даже для прародительницы Европы, то и для России это также вариант неподходящий. Если остальная «масса государственных образований» только мимикрирует под национальную идею, а на самом деле представляет собой некие иные, неназываемые сущности, тогда что же остаётся в качестве идеи и варианта государственностроительства для России? Или же это вообще вариант государственного устройства, который уже умер вместе с национальными государствами и их основой — национализмом?

Здесь у нас фундаментальные расхождения с могильщиками нации и национальных государств, а заодно и гражданского национализма как идеологии и практики государственного устройства и управления культурно сложными нациями современности. Наша позиция заключается в том, что *на горизонте эволюции человеческих сообществ нет более значимой и всеохватной социальной коалиции людей, чем национальные государства*. Именно они обеспечивают важнейшие экзистенциальные

потребности и права современного человека: от территориально-ресурсного и организационно-хозяйственного жизнеобеспечения до устройства и поддержания социальных институтов, правовых норм общежития, воспитания, просвещения и окультуривания населения через системы, поддерживаемыми государством. Государства обеспечивают гражданскую солидарность, предотвращают конфликты и насилие, защищают от внешних угроз и глобальных вызовов.

Более того, в условиях таких глобальных катаклизмов, как пандемия коронавируса, рассуждения о кризисе и исчезновении наций-государств выглядят наивными и саморазрушительными. Как пишет британский антрополог Дэвид Геллнер, «события 2020 г. стали мощной демонстрацией, что упадок наций-государств в век сверхглобализации или так называемого “потепления”, как и известие о смерти, используя высказывание Марка Твена, было “очень сильным преувеличением”. По всему миру, с характерными местными отличиями в Северной Америке, Восточной Азии, Скандинавии и Южной Азии, в реальном времени происходит масштабный транснациональный эксперимент в области обществоведения и в реализации разных стратегий разными странами». По мнению учёного, мы проживаем момент радикального исторического поворота, когда перед лицом экзистенциальной угрозы «старые боги неолиберализма летят в печку на сжигание».

Пренебрегая «законами рынка», который, как полагали, должен всем и всеми управлять, именно государства берут на себя главную ответственность. В Великобритании, например, «одним росчерком пера было выделено 15 млрд фунтов стерлингов, чтобы решать вызванные *COVID-19* проблемы»⁸. Нам нечего добавить к этому заключению, кроме сотен других подобных примеров, которые иллюстрируют возросшую роль государства в период пандемии – в том числе и в России.

О возвращении национальных государств на мировую арену на фоне глобальных кризисов, а также кризисов межгосударственных и блоковых образований, о жёстком отстаивании ими национальных интересов и суверенитета, о возвращении национализма в его

⁸ Gellner D.N. The nation-state, class, digital divides and social anthropology // Social anthropology. 2020. Vol. 28. N. 2. P. 270-271.

гражданско-государственной форме писал известный политолог Анатолий Ливен. Он особо отметил значение общественных мотиваций и мобилизации на основе идей нации, лежащих в основе легитимности и успешности современных государств: «Величайший источник и залог силы государства – не экономика и не размер вооружённых сил, а легитимность в глазах населения и всеобщее признание морального и юридического права государства на власть, на исполнение его законов и установлений, на способность призвать народ к жертвам, будь это налоги или, если понадобится, воинская повинность. Не имеющее легитимности государство обречено на слабость и крах; или же ему придётся прибегать к жестокости и устанавливать правление на основе страха»⁹.

Напомним, что в основе легитимности государств лежат разные факторы и обстоятельства. Среди них важен сам факт их длительного существования и преемственности так называемой исторической государственности, создающий «впечатление, будто данное государство есть неотъемлемая часть естественного порядка вещей»¹⁰. Важна также успешность правления, которое население признаёт и поддерживает. Особое значение имеет то, как институты и правители справляются с задачами сохранения порядка и внутренней безопасности, а также с внешними угрозами. После Второй мировой войны определённую легитимность государствам придавала демократия как власть большинства и законно избранных правителей. «Но, как обнаружили для себя многие демократические и полудемократические государства в прошлом столетии, одна лишь демократия не может бесконечно сохранять государство, если в обществе есть глубокий раскол и власти не добиваются жизненно важных для населения целей. Для легитимности государства необходим более основательный источник легитимности, коренящийся в общем чувстве национальной принадлежности. В современном мире величайшим и наиболее долговечным источником этих чувств и легитимности государства является национализм»¹¹, – пишет Ливен.

⁹ Анатолий Ливен. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 25.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ Там же. С. 26.

Мы также неоднократно высказывали мысль, что государство создают не просто территории с охраняемыми границами, не только столицы с госучреждениями, конституции и символика, государство делает легитимным и жизнеспособным прежде всего население, обладающее чувством национального самосознания, когда каждое поколение проходит через своего рода повседневный референдум на приверженность и сопричастность к этому государству как к своему Отечеству. Можно всё это назвать страновым или гражданским национализмом, можно назвать патриотизмом, а можно национальным самосознанием (идентичностью)¹². Различия здесь несущественные – они лежат в традициях странового обществознания и обыденного словоупотребления.

КАКОЙ НАЦИОНАЛИЗМ НАМ НУЖЕН

Учитывая историю трактовки понятия «национализм» в нашей стране, необходимо сделать некоторые уточнения о том, что же это всё-таки такое¹³. Под национализмом в данном случае понимается идеология и политическая практика, основополагающим принципом которой является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, её первичности в государствообразующем процессе. Как политическое движение национализм стремится к созданию государства, которое охватывает территорию проживания нации и отстаивает её интересы. В зависимости от понимания, что такое нация, национализм имеет две основные формы – гражданский (или государственный) и этнический. Гражданский национализм возник в эпоху становления современных государств, основанных на представлении о нации и народе как согражданстве с общими самосознанием и историко-культурным наследием. Эта форма национализма направлена на обоснование легитимности государства, на консолидацию гражданской нации, но зачастую содержит в себе установки на дискриминацию и ассимиляцию меньшинств, а также на госу-

¹² См.: Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

¹³ См., напр., статью «Национализм» в Большой российской энциклопедии, а также: Национализм в мировой истории // под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.

дарственную экспансию (мессианизм)¹⁴. Этот вид национализма широко используется государствами через официальную риторику, символику и идеологические институты (образование, социальные науки, СМИ) для утверждения общегражданской лояльности («служение и любовь к Родине», «уважение к стране и прошлому») и распространения общегосударственных правовых норм и культурных ценностей.

Национализм предполагает, что каждая страна должна управлять собой без вмешательства извне, нация является основой государственного устройства, а народ – единственным законным источником политической власти. Национализм выступает за утверждение единой национальной идентичности на основе общих социальных характеристик, таких как историческая память, ценности и традиции, культура и язык, а во многих случаях также религия и политическая философия («идея нации»). Именно последняя во многих трудных случаях нациестроительства обеспечивает солидарное единство нации, преодолевая противоположные интересы социальных страт, региональных и этнических сообществ, расовых и кастовых групп. Ливен справедливо пишет, что «ничто в современной истории не может сравниться с национализмом в качестве источника коллективных действий, добровольных жертв и, конечно, государственного строительства. Элементы личной идентичности могут быть важны для каждого человека в отдельности, но они не создают крупных и долговечных институтов (за исключением мусульманского мира, где религия сохраняет сильные позиции)»¹⁵.

Национализм в его проявлениях в экономике, политике, культуре и идеологии оказался и в новейшее время спасительной стратегией сохранения государственности, обеспечения солидарности народа в условиях кризисов и внутренних конфликтов. Большинство политических руководителей («лидеров нации») являются по своим убеждениям и действиям в разной степени националистами,

¹⁴ Одна из книг Анатоля Ливена посвящена анализу американского национализма как национализма гражданского типа с мессианистскими установками глобального лидерства американской нации (Ливен А. Анатомия американского национализма. М: ЭКСМО, 2015).

¹⁵ Ливен А. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 26.

то есть национальные интересы страны служат для них приоритетами, и они их отстаивают всеми доступными средствами. Президент США Дональд Трамп наиболее ярко демонстрировал это в экономике и геополитике. Президент России Владимир Путин отстаивает интересы страны в сфере стратегической безопасности и обеспечения благополучия российской нации. Лидер коммунистического Китая Си Цзиньпин на первый план выдвигает достижение мирового лидерства китайской нации и обеспечение общекитайского единства. Поэтому, когда Путин называет себя националистом, он имеет в виду не узко этнический вариант, а именно российский национализм как политику отстаивания и защиты интересов России и российского народа.

Именно этот вариант национализма и его сердцевина – общероссийский патриотизм – оказались важнейшей опорой для преодоления кризисных и чреватых дезинтеграцией явлений 1990-х годов. Невозможно игнорировать значение патриотической мобилизации народа всей страны и её отдельных регионов (например, Дагестана) в ситуации внешних вторжений международных террористов, олимпийских мероприятий, общероссийского консенсуса в отношении присоединения Крыма, почитания Дня Победы и павших в Великой Отечественной войне. Это по сути массовые проявления национализма гражданского толка, хотя мы предпочитаем называть это более нейтрально – патриотизмом.

Многообещающей стратегия общенациональной (можно также сказать «националистической») мобилизации оказалась и в современном Китае. После того, как Китай начал проводить новую государственную стратегию – своего рода «авторитарный социально-ориентированный рыночный капитализм», именно общекитайский (не ханьский!) национализм пришёл на смену коммунизму в качестве идеологии, придающей легитимность государству. Более того, «подобно тому, как в Китае сохраняется коммунистическое государство, но с националистическим содержанием, так и на Западе демократия может сохраниться, если на смену либерализму придёт национализм. По крайней мере, в 2020 г. этот процесс изменения парадигмы идёт полным ходом в некоторых странах ЕС»¹⁶.

¹⁶ Ливен А. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 27.

Так что в противоречие тезису, что *nation-state* уже отжившая норма, которую якобы давно оставили серьёзные обществоведы, проблема нации и национализма остаётся одной из центральных в мировом идеологическом багаже и одной из основ организации суверенных сообществ-государств. И в сегодняшнем мире и, возможно, ещё очень длительное время единственной по-настоящему популярной силой, сохраняющей привлекательность и дающей возможность перспективного мышления, является и будет являться идея нации и идеология национализма. Никакой смерти нации, национализма и *nation-state* ни в старой и давно национализированной Европе, ни в остальном, пока ещё не до конца национализированном мире не наблюдается. Никакая из известных нам стран не снимает концепт нации с повестки дня государственного строительства. Чтобы избежать упрощённой, рассчитанной на испуг критики общероссийского национально-го проекта под тем предлогом, что концепт гражданской нации для России не подходит и его пора пока ещё не наступила, можно рассмотреть опыт нацистроительства в других крупных странах и регионах мира. Интеллектуальный изоляционизм и высокомерие здесь не помогут. При нынешнем антизападничестве, видимо, лучше брать в качестве примера опыт больших стран и наций регионов мира, история и культура которых позволяют применять к ним полюбившийся многим в России в последнее время термин «цивилизация».

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИЛИ НАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО?

Итак, все государства, независимо от состава населения и формы правления, в политике и общественном сознании которых присутствует представление об общности страны, достигается лояльность и солидарность населения, проявляется патриотизм как чувство сопричастности своей Родине, имеют основания считать себя нациями. Другое дело, что в ряде случаев сам этот термин, заимствованный из Европы, может заменяться другим схожим по смыслу. Он может быть связан с религией (например, в мусульманских странах с понятием «уммы») или с идеологией так называемого национального вопроса (например, в Китае есть понятие «чжунхуа миньцзу» – «нация народностей»). Наконец, в СССР «со-

ветский народ» можно считать гражданско-политической нацией, но только сам этот термин был отдан в пользование этническим общностям, а народ объявлялся «новым типом исторической общности людей».

Нынешний дискурс о возврате наций и национального государства – это ответ на неолиберализм и постмодерн с их отрицанием довольно строго организованной формы социальных коалиций в пользу свободы личности, мирового правления и частного интереса. На самом деле эти самые важные и значимые коалиции в форме суверенных согражданств никогда и не сходили с исторической арены три последних столетия. Нациестроительство на основе идеи нации и гражданского национализма (зачастую с примесью этнонационализма или в симбиозе с ним) было и остаётся фундаментом успешного и безопасного существования той или иной страны. Всякие разговоры об отмирании наций-государств исходят от тех, кто уже имеет такую государственность в достатке и даже в избытке. Зато десятки стран мира многое отдали бы, чтобы иметь сильное национальное государство, не страдать из-за того, что в стране нет представления о нации и отсутствуют необходимые атрибуты – прежде всего, суверенитет. В итоге можно определённо сказать, что *nation-state* является нормой мира современных государств, и сама эта тема остаётся актуальной для обществоведов и политиков.

Нациестроительство на основе идеи нации и гражданского национализма остаётся фундаментом существования любой страны.

Однако как быть с цивилизационным подходом, который овладел умами части экспертного и политического сообщества в России? Что есть «цивилизация» и как к ней относится наука? Едва ли есть более многозначное понятие, чем это. Именно многозначность и смутность содержания обеспечивают его выживание в общественно-политическом языке. Известно использование термина в стадильном смысле, когда речь идёт об эпохах после первобытности и варварства; более современный вариант стадильности – это выделение индустриальной, постиндустриальной, информационной цивилизаций. Одновременно цивилизациями

называют страновые и регионально-культурные сообщества, которые обладают мощными и уникальными культурами. Последние смыслы потеснили линейно-стадиальные схемы исторического развития.

Критики цивилизационного подхода отмечают, что под цивилизациями во всех случаях понимаются разные сообщества: этнические, религиозные, социальные, политические, а чаще всего вообще конгломерат различных обществ с некоторыми схожими культурными характеристиками¹⁷, в результате чего ни британский историк Арнольд Тойнби, ни его предшественники и последователи не смогли назвать критерии вычленения цивилизаций и их число. Востоковед Леонид Алаев отмечает, что все критерии выделения цивилизаций (генетический, природный, религиозный) крайне уязвимы. А раз отсутствуют критерии, то невозможно сформулировать и понятие «цивилизация», которое до сих пор остаётся предметом споров. Кроме того, цивилизационный подход апеллирует к понятиям, выходящим за рамки науки и, как правило, связанным с «духовностью», «миссией», «судьбой» и тому подобным. Такие идеи обычно поднимают на щит элиты стран мировой периферии, предпочитающие вместо отсталости говорить о «самобытности» и «особом пути», противопоставляющие «духовный» Восток «материальному, загнивающему, враждебному» Западу¹⁸.

Последовательный критик «цивилизационистов» Виктор Шнирельман пишет, что в цивилизационном подходе акцент делается на культуре, и в силу расплывчатости и сложности понятия критерии выделения цивилизаций установить невозможно. Популярность цивилизационного подхода в постсоветской России (в том числе и в научных кругах) учёный объясняет кризисом идентичности, охватившим общество после распада СССР. Расцвет популярности цивилизационного подхода в России совпал с периодом доминирования неоконсервативных, националистических

¹⁷ См. раннюю критику Арнольда Тойнби: Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и её критика // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект пресс. 2014.

¹⁸ Алаев Л. Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2.

идеологий¹⁹. В итоге тезис «Россия как цивилизация» обрёл новое дыхание в отечественном дискурсе: от ведущего сообщества политологов до экспертов при Русской православной церкви, а «цивилизационный код» даже попал в документы стратегического планирования Российской Федерации.

Следует сказать, что зарубежная наука давно не признаёт «учение» о цивилизациях, хотя после знаменитой книги Дениэла Бурстина «Американская цивилизация»²⁰ курс с таким названием можно встретить в учебных программах американских колледжей. Но не более того, ибо никто не отважится предложить этот концепт в качестве замены идеи американской нации, как это пытаются сделать российские «цивилизационисты» в отношении своей страны. В этой связи трудно не согласиться с точкой зрения американского учёного Иммануила Валерстайна, который охарактеризовал цивилизационный подход как «идеологию слабых», как форму протеста этнического национализма против развитых и сильных государств, определяющих процессы мирового устройства.

Однако научная критика не ослабила интерес к цивилизационному подходу среди части российских историософов и публицистов. Одними из последних стали попытки описать крупные страны или регионы в парадигме цивилизаций, а не наций-государств или региональных сообществ со своими схожестями и конфликтами²¹. Под эгидой ИМЭМО РАН в 2000-е гг. осуществлён проект «Цивилизации в глобализирующем мире», в рамках которого издана серия коллективных трудов²². Руководитель проекта Владимир Хорос при определении цивилизации исходит из того, что «цивилизация – это как бы “оплотневшая”, кристал-

¹⁹ Шнирельман В. А. Слово о «голом (или не вполне голом) короле» // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2.

²⁰ Daniel Boorstin. American civilization; a portrait from the twentieth century. McGraw-Hill, 1972.

²¹ Россия в многообразии цивилизаций; под ред. Н.П. Шмелева. М.: Изд-во «Весь Мир», 2011.

²² Индийская цивилизация в глобализирующемся мире; отв. ред. С.И. Лунев, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2005; Африканская цивилизация в глобализирующемся мире. В 2 т. Отв. ред. Э.Е. Лебедева, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2006; Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире. В 2 т. Отв. ред. Е.Б. Рашковский, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2007; Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. Отв. ред. Д.Б. Малышева и В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

лизовавшаяся культура, “осевшая” в некоторых долговременных ценностях и мыслительных парадигмах, прошедших тест на прочность, на длительность, а стало быть, некоторую усреднённость и, соответственно, в той или иной степени общезначимость»²³. По мнению учёного, участникам проекта «удалось настроиться на собственно цивилизационный анализ», выработать унифицированный подход и на его основе составить представление о «механизме» (или «организме») функционирования цивилизации и этапах её эволюции, получить материал для сравнения различных цивилизаций²⁴.

Вот как выглядит этот унифицированный подход применительно к китайской цивилизации: «Говоря о сроках жизни отдельных цивилизаций и связывая их с определёнными этносами, то есть народами, развивавшимися в известном географическом пространстве, или людях и вмещающем ландшафте, Л. Н. Гумилев на основе многолетних изысканий определил сроки существования отдельной цивилизации примерно в полторы тысячи лет. При этом этнос проходит стадии становления, расцвета его пассионарности, то есть активной деятельности – национально-исторического подъёма, толчок которому сообщает космическая энергия, так сказать, подключение к энергии космоса, спад пассионарности, или упадок цивилизации, и, наконец, её гибель, её прекращение... И новая эпоха уже современной китайской нации открылась со временем Мин, XIV в. н. э. и продолжается до сего дня, приблизительно 700 лет»²⁵. Не сложно заметить, что эта трактовка мало чем отличается от того, что писали в XIX веке о жизни и смерти цивилизаций. Нет сомнений, что в отношении Китая как крупнейшего в мире государства-нации вполне возможно употребление философского-культурологического обозначения «цивилизация». Причём с учётом древности и культурного богатства этой страны – не только в единственном числе. И всё же как понимать и трактовать современный Китай: как нацию-государство или как цивилиза-

²³ Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. В 2 т. Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. С. 5.

²⁴ Там же.

²⁵ Лычагин А.И. Китайская цивилизация как лестница цивилизаций // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. Т. I. С. 65– 71.

цию? Ответ прост: и то, и другое, ибо это две не исключающие друг друга характеристики страны.

Заметим, что натурфилософский подход «цивилизационистов» обнаруживает диссидентов и в собственных рядах. Один из авторов тома о китайской цивилизации, призывая «быть проще и точнее», пишет: «Раньше как-то неплохо обходились “мировой цивилизацией” и национальными культурами. Как реакция на практические неудачи в модернизации и глобализации отдельных стран “цивилизационный дискурс” вполне объясним, равно как и желание защититься от культурной и информационной экспансии Запада. Но это – реакция оборонительная, консервативная, что неплохо, но грозящая фундаментализмом и отступлением от научного подхода». Действительно, хорошие абстракции и чёткие научные определения имеют свойство облегчать существование человечества. Но из этого не следует, что введение категории «цивилизации» (во множественном числе), ставшее особенно популярным после работы американского социолога Сэмюэля Хантингтона, необходимо для анализа социально-экономического развития и особенно – международных отношений. *«Работа с “цивилизациями” в означенной сфере таит не только теоретические опасности, вытекающие из принципа экономии мышления. Есть политическая опасность избыточного применения цивилизационного подхода* (курсив мой – В.Т.). Представляя мир в качестве совокупности “цивилизаций” – китайской, индийской, западноевропейской, американской, российской, – мы рискуем. Можно не заметить в этой совокупности отдельные страны – из-за неопределённости их “цивилизационного” положения, небольшого размера, смешанности существующих в них культур, этносов и тому подобного... В какой-то мере С. Хантингтон нас “купил”, заставив копать в этнокультурном, а также “духовном и возвышенном”»²⁶. Мы согласны, что без слова «цивилизация» можно обойтись при строгом анализе явлений окружающего мира. «Не думаю, – пишет учёный, китаист Александр Салицкий, – что дядюшка Сэм Хантингтон специально совершил интеллектуальную диверсию. Но то, что вы, господа российские

²⁶ Лычагин А.И. Китайская цивилизация как лестница цивилизаций // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. Т. I. С. 150-151.

гуманитарии, *were taken in* “цивилизационным дискурсом”, не подлежит никакому сомнению»²⁷.

В противовес отечественным «цивилизационистам» в Китае не дали себя запутать фразеологической шелухой. Китайские мыслители и политики справились с решением этой задачи, маневрируя и используя «цивилизационную» риторiku, но предпочитая простые и практичные формулировки задач самоопределения и развития, в том числе и для корректировки идеи китайской нации, выдвинутой ещё Сунь Ятсеном. Кстати, ныне основополагающий термин «чжунхуа миныйцзу» (нация народностей) был введён сравнительно недавно, в XX веке, а о «китайской мечте» и вовсе объявил нынешний лидер Китая Си Цзиньпин.

В чём смысл китайской национальной идеи и каков пример «работы с идеей нации» и нациестроительства, который заслуживает нашего внимания в работе над идеей России? В последние годы экономические успехи и политика общекитайской интеграции дали результаты. Помимо поддержки этнических меньшинств, главное внимание уделяется конструированию национальной идентичности. Российский этнолог Алексей Закурдаев пишет: «Национальный вопрос, обнажающий противоречия между однородной властью и разнородным по этническому и социальному составу обществом, напрямую связан с конструированием национальной идентичности как совокупности общих культурно-психологических черт, формирующихся у граждан страны в ходе деятельности политических и социальных институтов»²⁸.

Китайское научное сообщество пытается осмысливать разные варианты решения проблемы нации и национального вопроса, используя зарубежный опыт, в том числе и российский²⁹. Выдающийся китайский учёный Фэй Сяотун считал, что, несмотря на структурную сложность национальной идентичности, её разные этнические составляющие необязательно ведут к антагонизмам

²⁷ Там же. С. 150.

²⁸ Закурдаев А.А. Национальная идентичность как продукт управляемых этнических процессов в КНР // Культурная сложность современных наций; под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016. С. 314–316.

²⁹ Не случайно три мои книги по проблемам этничности и нациестроительства переведены и изданы в КНР.

и конфликтам: «Китайская нация – это одно целое, которое составляют 56 народов. Китайская нация – это высший уровень организации, а каждый из 56 народов – базовый уровень. Идентичность высшего порядка вовсе не заменяет или исключает идентичности базового звена. Идентичности разных уровней могут сосуществовать и без противоборства. Более того, в основе идентичностей разного порядка лежит оригинальная специфика этнического саморазвития, что формирует многоязыковую и поликультурную национальную целостность»³⁰.

Это именно то, что мы называем *множественной и не взаимоисключающей идентичностью*, когда членами китайской нации (китайцами) считают себя как ханьцы, так и уйгуры, маньчжуры, тибетцы и ещё несколько десятков народностей (миньцзу).

В России точно такая же ситуация. Наличие радикальных националистов среди татар, чеченцев, якутов или других российских национальностей не отрицает доминирование среди них общероссийской идентичности, отнесение себя к российскому народу. То же распространяется и на русских, для которых нет дилеммы «русский или россиянин»: и русский, и россиянин³¹.

Размер нашей статьи не позволяет рассмотреть опыт нациестроительства в Индии, где «идея Индии» как сложной и единой нации была выдвинута Махатмой Ганди и Джавахарлалом Неру на старте эпохи независимости от британской короны и утверждалась все последующие десятилетия, создав самую крупную и самую сложную по этническому, религиозному, расовому и кастовому составу нацию современного мира. Однажды президент Путин посетовал, что после смерти Ганди не с кем и поговорить о больших вопросах мироустройства. Опыт воплощения в жизнь гандийской идеи нации здесь был бы очень к месту.

Схожие и полезные для России опыты нациестроительства можно привести ещё по десятку крупнейших стран мира на разных континентах. И вопрос не столько в просвещённости, а в инерции этнонационалистического мышления и построенных на нём общественных практик. Эту инерцию, как и некоторые актуальные по-

³⁰ Фэй Сяотун. Рассуждения об антропологии и культурном самосознании. Пекин, 2004. С. 163.

³¹ Тишков В.А. И русский, и российский // Вестник российской нации. 2009. № 3. С. 85-97.

литические заданности действующего правления в России, невозможно игнорировать. Но и нет особого научного и политического смысла громоздить русскую/российскую/славянскую цивилизацию с её неустановленным «цивилизационным кодом» как первичное, а тем более – политически-правовое определение для Российской Федерации. Заменителем национального самоопределения как государства-нации это никогда не будет работать. Хотя в историко-софском смысле использовать данную самоидентификацию в публицистике и в учебно-просветительских курсах вполне возможно. Другими словами, *Россия – это и нация, и цивилизация.*

**Сергей Приходько
(1957–2021)**

Не стало Сергея Эдуардовича Приходько, видного отечественного дипломата и государственного деятеля, занимавшего высокие должности в Администрации Президента России и правительстве.

Для нас эта невосполнимая потеря. Сергей Приходько был большим другом «России в глобальной политике», членом нашего редакционного совета с момента основания журнала, всегда нас поддерживал и много нам помогал. Помогал в самых разных обстоятельствах – от совета и консультации по международным процессам, в которых он блестяще разбирался, благодаря своему огромному практическому опыту, до содействия в нахождении финансовой опоры издания в трудные времена. Даже в последние годы, когда Сергей Эдуардович тяжело болел, мы чувствовали его интерес и готовность откликнуться.

Сергей Приходько останется в нашей памяти как человек умный и яркий, совсем не похожий на строгого чиновника-бюрократа. Спасибо ему за всё, что он сделал. И искреннее сочувствие его близким.